

18+

Алексей Шамонов

СИРЕНЕВЫЙ МОСТИК

Алексей Шамонов

Сиреневый мостик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73785188

ISBN 9785006973381

Аннотация

В сновидении Григорий Летягин повстречал очаровательную девушку. Он был крайне разочарован, когда ранним утром будильник прервал сон на самом интересном месте.

Какого же было его изумление, когда, проснувшись, он увидел незнакомку из сна у себя в квартире. Так начинается череда захватывающих событий, происходящих как с главными героями, так и с хорошо известными историческими персонажами.

Содержание

1. Сладостный сон	5
2. Таинственная незнакомка	20
3. Первые последствия встречи	28
4. Разгадка сновидения	36
5. Неожиданный поворот	48
6. Новые открытия	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сиреневый мостик

Алексей Шамонов

*Познаваем ли мир? – Вполне возможно.
Но познаваем ли сам познающий?*

Иллюстратор Максим Литвинов

© Алексей Шамонов, 2026

© Максим Литвинов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-7338-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Сладостный сон

«Просто какое-то мерзостное паскудство, гнусность редкостная и полное свинство». Только такие слова приходили на ум Григорию Летягину после того, как ненавистный будильник своим громким, сверлящим мозг писком бесцеремонно разбудил его ранним утром в понедельник.

Ах, как же хорошо было ещё буквально только что. Он, блаженно прищулив глаза и вытянув босые ноги, вольготно раскинул руки на спинке деревянной скамейки, установленной на залитом ласковым утренним солнцем широком бульваре, с обеих сторон обрамлённом плотными рядами буйно цветущей сирени. Томное благоуханье пышных соцветий заполнило до самых краёв всё окружающее пространство, создавая ощущение уюта и покоя.

Причём аромат цветов не только улавливался обонянием, но и был отчётливо виден глазу в виде лёгкого, почти прозрачного тумана, временами игриво переливающегося цветами от белого до тёмно-лилового. Весёлые залихватские трели невидимых глазу птиц умиротворённо ласкали уши сладкоголосым вокальным совершенством.

А тем временем перед пребывающим в неге Григорием нескончаемым весёлым ручейком, задорно пританцовывая в движении, проходили группки улыбающихся светловолосых девушек в коротеньких белоснежных юбочках и полу-

прозрачных, едва прикрывающих грудь топиках. И все, как одна, поравнявшись с Летягиным, не останавливаясь, оборачивали к нему свои миловидные личики и, приснув от смеха, а затем якобы смущённо потупив взор, начинали на ходу шушукаться между собой. А одна из них, в отличие от своих подруг, с тёмно-русыми волосами, даже приблизилась к нему и, присев рядом на краешек скамейки, неожиданно обвила его мягкими руками за шею и нежно поцеловала в щёку.

– Скоро мы с тобой увидимся, – смотря ему в глаза, кокетливо произнесла незнакомка и, вспорхнув, помчалась догонять своих подружек.

– Скоро – это когда? – вскочив, крикнул вдогонку ошеломлённый Григорий и вновь опустился на лавку.

Незнакомка, замедляя шаги, остановилась и замерла на несколько секунд, как будто что-то обдумывая. Затем, словно приняв решение, резко развернулась и быстро подошла к Григорию. Когда она вновь присела рядом с ним, он заметил на её правой щеке небольшую родинку, которая несколько не портила красоту юного лица, а даже наоборот – придавала ему такую загадочность.

– А вот сегодня и увидимся. А сейчас закрывай глаза, – нежным голосом, но требовательно произнесла девушка.

Он безропотно подчинился и опустил веки.

– Возвращайся, пожалуйста, домой, – сказала незнакомка, крепко обхватив руку Григория и прижав её к себе, а затем сильно дёрнула за рукав его измятой футболки.

И именно в этот момент раздался звук будильника, вероломно разбудивший Летягина. «Чтоб тебе, сволочи треклятой, зазвонить чуть позже!» – не открывая глаз, в сердцах замахнулся Летягин кулаком на ни в чём неповинный неодушевлённый предмет, исправно выполнивший своё предназначение. «Такой сон, паразит, испортил. В кои веки приснилось не что-то ужасное или бессмысленное, а прямо-таки сказочное».

Не в силах сразу подняться, Григорий ещё минуты две лежал, с головой накрывшись одеялом.

«Что же это такое?» – наконец сев на край кровати и сжав ладонями виски, почти в отчаянии причитал Григорий. «Ну где же в этом мире справедливость! Почему выходные такие короткие, а рабочая неделя столь длинная? И почему именно на понедельник назначаются эти никчёмные совещания, где я должен обязательно присутствовать?! Скорее бы уж что ли на пенсию!» – кипело всё в его голове, пока он с полужакрытыми глазами влезал в халат и машинально засовывал ватные от сна ноги в тапочки.

Хотя до пенсии ему было ещё ой как далеко. Даже его матери и отчиму, живущим на другом конце города, до неё оставалось ещё почти десять лет.

Негодование быстро улеглось, и он стал с механической отрешённостью последовательно делать утренние мероприятия, которые монотонной чередой повторялись изо дня в день.

Поднеся зубную щётку к губам, он вдруг заметил у себя на правой щеке два довольно больших красных пятна. «А это что такое?» – испугался Григорий, и щётка в его руке слегка задрожала. «Когда я вечером умывался, никаких пятен не было, иначе бы я их точно заметил... Хотя стоп! Я же вечером не умывался, а раздевшись, моментально уснул... Ну и что, днём этих пятен точно не видел... Наверное, это ночью укусил комар или ещё какая-то противная мошка, а я во сне растёр места укуса... Ну точно, я же не закрыл балконную дверь, вот комарё поганое и налетело», – пытался успокоить себя Григорий.

Летягин судорожно потёр щёку пальцами. «Фу-у!» – вырвался у него вздох облегчения, когда пятна бесследно исчезли, будто их и не было. Но почти тут же сердце в тревоге забилось с новой силой. То, что стёр со щеки, он увидел у себя на пальцах. В волнении поднеся их к носу, он почувствовал сладковатый запах. «Да это же помада!.. Каким образом она могла на мне оказаться?» – недоумевал он, растерянно продолжая рассматривать свою ладонь.

С женой он развёлся ещё позапрошлой весной. Да и та, как и любая другая женщина, не ложилась спать с накрашенными губами. Затылок Летягина вдруг стал горячим, а затем будто что-то мощное взорвалось в черепной коробке.

– Вспомнил! – закрыв глаза, испуганно пробормотал Григорий, и ему стало по-настоящему страшно.

Со своей теперь уже бывшей женой он познакомился три года назад в ресторане, где отмечал своё двадцатипятилетие его дружок-одноклассник – Витька Хлыстов.

Приглашённых было совсем немного, и все легко разместились за тремя составленными вместе массивными, сделанными из толстых сосновых досок столами, стоящими у стены, декорированной под старинную красную кирпичную кладку. Зал был достаточно вместительным, с небольшим подиумом для музыкантов и местом для танцев, во время которых он и познакомился с Ольгой, пришедшей сюда с двумя подругами выпить шампанского и поболтать о своих парнях и проблемах с ними во взаимоотношениях, а заодно приглядеться к состоятельным, и желательно симпатичным и не очень старым гостям. Как потом он узнал от одной из этих Ольгиных подруг, если бы тогда в ресторане они не увидели никого заслуживающего их внимания, они бы встали и направились в другое подобное заведение, в надежде, что уж там найдётся интересующий их контингент. Но компания весёлых и достаточно стильно одетых молодых людей их заинтересовала, и поэтому они решили сегодня осесть здесь.

Слегка захмелевшего Летягина привлекла стройная фигурка танцующей неподалёку девушки и её смазливое, ухоженное личико. Летягин периодически ловил на себе её улы-

бающийся и, как ему показалось, вкрадчивый взгляд, и, может быть, поэтому он стал раз за разом приглашать её на танцы, а она, к его радости, принимала это благосклонно, а затем и вовсе дала уговорить себя и пересела за столик их компании.

Новая знакомая оказалась крайне словоохотливой. Во всяком случае, ближе к вечеру Григорий уже знал, что эти две её подружки – исключительные стервы, которые меняют партнёров чуть ли не каждый день и вообще равнодушны друг к другу. Узнал, что родители у неё очень заслуженные и уважаемые люди, а все её сослуживцы – сплошная серость, умеющие только стучать друг на друга и подлизываться к начальству. Со своим бывшим парнем она месяц назад рассталась, так как он оказался никчёмным человеком и слабаком, а ей так хочется опереться на надёжное мужское плечо.

Во время рассказа девушка подушечками своих длинных тонких пальцев с безупречным маникюром коротко и как бы ненароком периодически тихонечко касалась то руки, то бедра Григория.

Ближе к полуночи, когда торжество подошло к завершению, он предложил Ольге проводить её до дома, и та, выразительно посмотрев на Летягина и сказав, что это для неё очень неожиданно, в итоге согласилась.

Ещё вчера Летягин даже не задумывался о женитьбе, но через три дня они подали заявление в ЗАГС.

Случайная встреча – как часто она может изменить жизнь,

наполнив её новыми смыслами, вдохнуть энергию и открыть неведанные ранее, заманчивые горизонты. А может перевернуть всё вверх тормашками, выбив из привычной колеи, и увести на узкую, заросшую бурьяном тропинку, с ямами и колючками, а то и вовсе завести человека в тупик. Именно это в итоге и произошло с Летягиным.

Первые месяцы три совместной жизни были почти идеальными, словно в романтическом кино. Они не могли насытиться друг другом. Им хотелось касаться рук, гладить по волосам, обниматься и целовать губы. Всё свободное от работы время они проводили вместе, а половину из него – в спальне.

Им казалось, что так будет всегда, вплоть до того времени, как, состарившись, они умрут в один день, в окружении любящих их детей и внуков. Но вскоре, почти всегда на пустом месте, стали возникать споры, озвучиваться взаимные упрёки.

Они были настолько несущественные, что тут же улаживались. Но со временем их количество увеличивалось, а затем они стали возникать почти ежедневно. Недовольство друг другом накапливалось, словно гной в фурункуле, который в один из дней прорвался.

В этот момент накопившиеся обиды и взаимные претензии так и сыпались из уст недавно счастливых молодожёнов.

После последовавшего примирения совместная жизнь на короткое время вроде как наладилась, вновь вернувшись в послесвадебное русло. Но тут же стал созревать новый фу-

рункул, прорыв которого привёл к новому скандалу, после которого всё снова как-то нормализовалось. Но вновь ненадолго.

Затем фурункулы стали следовать один за другим, и когда всё это переросло в сплошную незаживающую рану, они с обоюдным облегчением и без малейшего сожаления приняли решение развестись.

* * *

С утра у Летягина обычно не было никакого аппетита, и на завтрак ему вполне хватало одного бутерброда. Но сегодня и его есть совершенно не хотелось. Все его мысли были заняты невесть откуда взявшейся помадой на своём лице. Отбросив первоначальную, абсолютно неправдоподобную догадку, он строил всевозможные версии, одна нелепее другой, и про еду даже не вспомнил. Но зайдя из ванной на кухню и увидев в холодильнике кусок столь им любимой пиццы, оставшийся от угощения вчерашних гостей, Григорий не смог удержаться и решил всё же разогреть кусочек в микроволновке.

Накануне он к себе никого не приглашал и поэтому никаких гостей абсолютно не ждал, а тихо-мирно работал, сочиняя для заказчика рекламную статью о выпускаемой его предприятием продукции. Но ближе к вечеру к нему без за-

зрения совести ввалился его давний товарищ; причём пришёл не один, а с новой пассией – ничем не примечательной белокурой девицей, одетой в модные джинсы, массивные чёрные ботинки и свободную футболку с какой-то надписью на незнакомом иностранном языке.

– Витёк, что у тебя за дурацкая привычка приходить в гости без приглашения, – с хмурым видом проворчал Григорий, открыв дверь и запуская гостей. – Хоть бы позвонил, чтобы я из дома успел сбежать, – невесело пошутил он.

– А ты что, нам не рад, что ли? – спросил Витёк с показным удивлением.

– Рад, конечно. Но всё равно как-то неожиданно.

Летягин действительно всегда с удовольствием общался с Витькой Хлыстовым. Но его иной раз столь внезапные визиты несколько напрягали, порой заставляя корректировать планы на вечер, а иной раз и на следующий день.

– Проезжали как раз мимо. И я подумал, что Летяга обидится, если узнает, что были совсем рядом и не зашли. Вот и тормознули таксиста, и напрямик к тебе.

– Подумал, понимаешь, он. А если бы меня не было дома или я был не один, а, например, с девушкой?

Витька Хлыстов, упираясь подошвой в задник, стянул ботинки и надел стоящие в коридоре изрядно стоптанные тапочки с рисунком в мелкую клетку. Потом, по-хозяйски открыв галошницу, достал шлёпанцы для своей спутницы.

– В таком случае всё просто: нам бы одной бутылки не хва-

тило. Пришлось бы тебе сгонять в магазин за добавкой, – безапелляционно произнёс Витёк, извлекая из пакета бутылку без этикетки, наполненную тёмно-коричневой жидкостью. – Принимай, подарунчик, – передал он её Григорию. – Это мне тётушка любимая в деревне презентовала. Пей, говорит, дорогой мой Витенька, набирайся сил и здоровья. И друзей своих самых лучших угости.

Витька обхватил голову Летягина руками и, приблизив к себе, звучно чмокнул его в макушку.

– А кто у меня лучший друг? Конечно, ты, Летяга!

– Вечно ты из своей деревни притаскиваешь всякую гадость, – отстранившись, беззлобно отреагировал Григорий. – Помню, помню, как после премиального, как ты его назвал, самогона от твоего троюродного деда я утром голову от подушки не мог оторвать, а потом два дня болел, – ворчал Григорий, проходя с гостями в комнату.

Летягина аж передёрнуло после воспоминаний о полугодовой давности дегустации сильно пахнущей сивухой жидкости. Тогда, как он ни отнекивался, но всё же не смог устоять под напором Витьки, взхлёб рассказывающему, что он как врач подтверждает, что полезнее и экологичнее напитка в природе не существует.

– Ну то дед, – широко разведя руки, заявил Хлыстов. – Для него главное что? Чтобы продукта выгнать побольше и покрепче, а остальное побоку. А вот тётушка моя родненькая – это совсем другое дело. Она в этом вопросе чрезвычай-

но щепетильна. Для неё основа основ – эстетика напитка, – продолжил Витёк, щёлкнув пальцем по бутылке.

– Что-то никакой эстетики я здесь не наблюдаю. Не отравиться бы, – взяв в руки и с недоверием рассматривая на свет бутылку, засомневался Григорий. – Уж что-то цвет больно подозрительный.

Цвет и в самом деле не вызывал доверия. Содержимое бутылки походило на разведённое в воде большое количество сильно пережжённого сахара.

– Эстетика, да будет тебе известно, не только в цвете, а также в запахе и вкусе. Так что не бойсь. Поверь, тётке можно без всяких опасений доверять. Она у меня травница, к тому же известная на всю округу знахарка. Видимо, в том числе и от неё у меня с юности тяга к медицине. Когда она стала перечислять всё, на чём настоян этот самогон, то я сбился со счёта, а некоторых названий растений и слыхом не слыхивал. К тому же не забывай, что я врач и без пяти минут кандидат наук, а мы плохого не посоветуем.

– Да ладно тебе сочинять, – скептически произнёс Летягин. – Скорее всего, твоя тётка накидала в первач дубовой коры, и всех делов.

Хлыстов укоризненно посмотрел на друга.

– Ничего я не сочиняю. Вот сейчас попробуем – сам убедишься. Потом тебя за уши от настойки не оттащишь.

Витёк сделал вид, что оскорбился.

– К ней даже из соседних деревень приезжают за помо-

щью. А мне она сказала, что эта настойка помогает от всех болезней, от сглаза, порчи, а также даёт мужчинам любовную силу.

Витёк показал согнутую в локте руку с крепко сжатым кулаком.

– Сказки это всё, – отмахнулся Летягин.

– А вот мы сегодня ночью и проверим, сказки это или нет. Правильно, Танюха, я говорю? Виктор хитро подмигнул своей спутнице, которая всё это время тихо стояла рядом со своим кавалером.

– Проверим, проверим, – игриво, с ехидцей произнесла заулыбавшаяся девушка.

– Ну что ж, пошли тогда на кухню, – предложил Григорий, смирившись с происходящим, и вся компания, захватив бутылку, переместилась в соседнее помещение.

– Давай, тащи рюмки, – скомандовал гость.

Летягин открыл верхний ящик кухонного гарнитура и, покопавшись, извлёк оттуда три гранёных лафитника, после чего, сильно дунув в каждый, поставил их на середину стола, предварительно накрыв его одноразовой скатертью.

– Ничего себе, какой у тебя раритет имеется! – взяв рюмку за тонкую ножку и внимательно рассматривая её, уважительно произнёс Витёк.

– Из них ещё мой прадед пил. Раньше их была дюжина, а сейчас вот уцелело только три штуки, да и то одна со сколом.

– Скол нам не помеха, пить не мешает. А что у тебя с закуской? – как-то без энтузиазма, с тоской посмотрев на холодильник, спросил Витёк.

– Ничего нового, всё как всегда: вода холодная и вода горячая.

Григорий был непривередлив к еде и обычно вполне довольствовался полуфабрикатами, приобретёнными в соседних от дома магазинах, запасов которых он не имел, покупая ровно столько, сколько можно было сразу съесть. Хотя готовить он умел и даже когда-то делал это с удовольствием, в отличие от своей бывшей жены, которая не могла даже пожарить картошку.

– Чтобы ты без нас делал? Придётся нам, Танюха, раскулачиваться, давай, доставай пиццу. Брали себе на ужин, но чем не пожертвуешь ради друга.

Девушка прошла в коридор и, принеся оттуда пакет, достала две среднего размера, упакованные в целлофан замороженные пиццы. При этом одна выскользнула из её рук и громко шмякнулась об кафельный пол.

– Ну вот ничего нельзя тебе доверить, – беззлобно упрекнул Витёк свою спутницу.

Летягин, подняв пиццу, сорвал плёнку и, положив на тарелку, засунул её в микроволновку.

Через две минуты на кухне распространился аппетитнейший запах копчённой колбаски и расплавленного сыра.

Витёк, с усилием прокручивая, достал самодельную дере-

вянную пробку и разлил содержимое бутылки по лафитникам. Затем, не ставя её на стол и посмотрев на остаток, довольно произнёс:

– Ну вот, ещё на два захода точно хватит.

Григорий высмотрел и из гостеприимности взял щербатый лафитник себе. Все со звоном чокнулись, но Летягин, прежде чем выпить, поднёс лафитник к носу.

– Какими-то цветами пахнет, – подозрительно понюхав содержимое рюмки и сморщив нос, произнёс Григорий. – То ли сиренью, то ли ещё чем-то.

– Точно, точно сиренью, – радостно подтвердил Хлыстов, тоже понюхав содержимое. – Вспомнил! – хлопнул себя по лбу Витя. – Тётка говорила про почки сирени, когда перечисляла ингредиенты.

– Ну что, вздрогнули, – поднял вверх лафитник Витёк и одним глотком залил в себя пахучую жидкость.

Настойка оказалась очень крепкой и несколько горьковатой, но не до такой степени, чтобы вызвать отторжение. Даже наоборот, горчинка придавала напитку некую тонкость.

– Думал, будет хуже, – кряхтя, произнёс Григорий, закусывая выпитое пиццей.

– Доверять надо друзьям. Они плохого не предложат. А тебе, Танюха, как напиток?

– Отлично пошло, – ответила спутница, по-мужски подняв вверх большой палец.

– Ну, тогда повторим, – предложил Витя, вновь до краёв

наполнив лафитники.

После выпитого всем стало жарко, и Летягин на всю ширь открыл балконную дверь.

– Ну вот, осталось ни туда ни сюда, – сказал Витёк, рассматривая содержимое бутылки, после того как через какое-то время, вновь до самых краёв наполнил лафитники. Настойка в бутылке осталась почти на самом доньшке.

В этот раз всё было выпито уже безо всякого сомнения.

Обычно приход Хлыстова в гости одной бутылкой не ограничивался, и посиделки продолжались чуть ли не до утра.

Летягин боялся, что и в этот раз Витёк предложит добавить по чуть-чуть, что сегодня никак не вписывалось в планы Григория; ведь завтра надо было рано вставать и идти на работу.

К радости хозяина квартиры, проговорив ещё минут сорок, гости, пошептавшись, как-то рано засобирались.

Едва выпроводив гостей, Летягин, борясь с неожиданно накрывшим его желанием спать, с трудом разделся и еле успел дойти до кровати, рухнув на которую, моментально уснул.

2. Таинственная незнакомка

После того как Летягин разогрел в микроволновой печи кусок вчерашней пиццы, он без всякого желания, следуя лишь выработавшейся многолетней привычке, затолкал её в себя. Затем заварил в бокале растворимый кофе, добавив в него два куска сахара. Чтобы остудить, дабы при его питье не терять времени, разбавил получившийся напиток холодной водой и почти залпом выпил. Посмотрев на висящие на стене кухни часы в виде ромашки с жёлтым циферблатом, понял, что времени осталось почти в обрез. Надо было как можно быстрее одеваться и стрелой лететь на работу. Во избежание неприятностей, опаздывать на совещания было категорически неприемлемо.

Летягин, всё ещё пребывающий в крайнем смятении от столь необъяснимого появления помады на своей щеке, впопыхах направился в спальню, чтобы достать висящие там в гардеробе рубашку и брюки, которые он вчера так и не смог погладить, как обычно это делал перед поездкой на совещание. Но, едва ступив на порог, он открыл от изумления рот и остановился как вкопанный.

В кресле, положив ногу на ногу, сидела совершенно неизвестная ему девушка и, улыбаясь, пристально смотрела на него.

Вытаращенными глазами ничего не понимающий Летя-

гин устоялся на невесту как оказавшуюся здесь незнакомкой. В голове вихрем проносились пугающие своей бессвязностью тревожные мысли, калейдоскопом всплывала череда непонятных картинок, сопровождаемые такими же непонятными голосами.

И тут он её узнал! Та же юбочка, те же волосы и та же маленькая родинка на щеке. Да-да! Это была та самая незнакомка из его сегодняшнего сновидения. К его ужасу, в этом не было никакого сомнения. «Ты же хотел продолжения сна. Так вот и получай его», – подумалось обескураженному Летягину.

Оцепеневший Григорий, не отводя глаз, смотрел на незваную гостью не в силах пошевелиться и произнести хоть слово.

Незнакомка первая прервала затянувшееся молчание.

– Я смотрю, ты удивлён встречей со мной?

Удивлён – это явно не то слово, которым можно было описать его душевное потрясение. Ошеломлён, потрясён, ошарашен, шокирован, да никакие, даже самые вычурные слова не стали бы преувеличением в описании того состояния, в котором он сейчас пребывал. «Интересно, а у меня волосы на голове дыбом сейчас стоят?» – вдруг неожиданно пронеслось в голове Григория, и он машинально провёл ладонью по всклокоченным после сна каштановым волосам. «Нет, не стоят. Значит, врут всё», – почему-то подумалось Летягину, отказывающемуся верить в происходящее.

«Но кто же она есть такая? Привидение, фантом, призрак, галлюцинация. А может, это чей-то дурацкий розыгрыш? Хотя какой, к чертям собачьим, может быть розыгрыш. Ведь куда-куда, но в мой сон никто посторонний залезть никоим образом не мог... А может, я ещё сплю, или нахожусь в коме?» – стремительным ураганом проносились мысли в голове Летягина.

Всё также не отрывая взгляда от приветливо улыбающегося лица и наивно-добрых глаз девушки, он постепенно пришёл в себя. Страх, который сковал его, несколько отпустил свою хватку, и Летягин наконец смог более-менее адекватно оценить ситуацию.

– Честно говоря, да, – после долгой паузы всё же сумел выдать из себя Григорий, облизав пересохшие губы и ещё раз проведя ладонью по волосам.

– Ну, я бы на твоём месте была бы удивлена ничуть не меньше.

Григорий, закрыв глаза, сильно постучал пяткой по полу, как много раз стучал ногой по постели, когда ему снился кошмар и он, понимая, что спит, таким образом пытался пробудиться.

– Я, наверное, продолжаю спать, – не открывая глаз, вслух произнёс Летягин свою догадку.

Незнакомка засмеялась и, встав, подошла и погладила его по плечу.

– Это вовсе не сон, Гриша. Спал ты, когда мы встретились

в моём мире, а сейчас ты очень даже бодрствуешь.

– В каком таком твоём мире мы встретились? Лучше скажи, кто ты такая и как здесь оказалась? Я что, забыл вчера закрыть входную дверь? – скороговоркой вырвалось из уст Григория, даже не удивившемуся, что таинственная незнакомка знает его имя.

– Успокойся, пожалуйста. Я не представляю никакой опасности и всё чуть позже объясню. А сейчас давай знакомиться, – с напускной деловитостью предложила девушка. – Меня зовут Эфель, – встав и сделав шутливый реверанс, представилась она.

Улыбающееся лицо девушки было настолько доброжелательным, что Григорий почти успокоился, во всяком случае, к нему полностью вернулась способность к рассуждению.

– Можешь мне дать чего-нибудь попить, а то от столь негостеприимного приёма у меня во рту всё пересохло? – попросила девушка.

Летягин не знал, как себя вести. То ли выставить незнакомку за дверь, то ли вызвать полицию, а может, позвонить в неотложку, чтобы проверили, не сошёл ли он с ума.

– Непонятно каким манером проникла в мою квартиру, развалилась в чужом кресле, как у себя дома. А я, оказывается, не так её принимаю, – невольно возмущился он, так и не приняв решения, что делать.

– Перестань сердиться. Я же обещала, что всё объясню, и ты поймёшь, что обижаться на меня совершенно не за что.

И ты же не откажешь девушке в глотке воды?

Её голос был столь бархатным, что Летягину даже стало как-то неудобно за свои столь резкие слова.

– Может, тебе ещё и чая налить? – предложил Григорий с сарказмом.

– Чая? – удивлённо произнесла девушка, будто впервые слыша это слово. – А что, налей чая, – всё так же улыбаясь, согласилась она.

Наивное лицо, искренняя улыбка и нежный голос незнакомки сбили Летягина с толку. И вместо того, чтобы, как он хотел ещё пару минут назад, выгнать взашей незваного гостя, он неожиданно для себя спросил:

– У меня только зелёный. Ты такой пьёшь?

– Ой, как здорово. Зелёный – мой любимый цвет.

– Причём здесь цвет? – пробурчал Летягин, в растерянности отправляясь на кухню.

Вскипятив чайник, он заварил два пакетика, достал завалявшуюся в кухонном шкафу упаковку печенья, почти пустую сахарницу, чайную ложку и уложил всё это на большую тарелку. Придя в гостиную, поставил импровизированный поднос на журнальный столик.

– Иди сюда, – позвал он гостью.

Девушка тут же подошла, и после того, как Григорий указал рукой на стул, села.

– Ой, а что это такое? – удивлённо спросила девушка, глядя на тарелку с печеньем.

– Как что – печенье. Конечно, оно не совсем уж свежее, но есть вполне ещё можно.

Незнакомка аккуратно двумя пальчиками взяла с тарелки одно печенье, поднесла к глазам и стала внимательно рассматривать.

– А как же его есть, оно же твёрдое? – удивлённо спросила девушка, попытавшись двумя пальцами сдавить непонятный ей кругляшок.

– Да какое оно не твёрдое, – рассердился Летягин, демонстративно пополам разломив печенье.

– В нашем мире такого нет, у нас пища вся жидкая.

– В каком таком вашем мире? Опять ты несёшь какую-то ересь! – огрызнулся Летягин, но, вспомнив все обстоятельства появления в своей квартире девушки, осёкся.

– Тебе сколько кусков сахара положить в чай? – спросил Летягин.

Девушка с недоумением посмотрела на Григория.

– А сколько ты кладёшь себе? – нашлась что спросить гостя.

– Обычно два.

– Тогда мне тоже два.

Открыв крышку сахарницы, Летягин обнаружил там всего три кусочка рафинада. Тогда он положил два куска в чашку гостя и один в свою. После чего торопливо перемешал его по очереди в обеих чашках.

Посмотрев на часы, Летягин, вскочив из-за стола, бросил-

ся в спальню, схватил одежду и стал лихорадочно переодеваться.

– Ешь без меня, пока я одеваюсь, а то из-за этого твоего мира в нашем мире меня с работы выгонят, – достаточно громко брюзжал Григорий, чтобы слышала гостья, на ходу застёгивая рубашку и заправляя её в брюки.

– Вы-го-нят, – распевно произнесла Эфель. – Ой, как здорово, – всплеснула она руками.

Григорий остановился и недоумённо посмотрел в сторону девушки, покрутил указательным пальцем у виска, но ничего не сказал.

– Быстрее допивай и пойдём, а то я по твоей милости и так уже очень сильно опаздываю.

– А куда мы пойдём?

– Лично я на работу, а ты куда знаешь.

Григорий увидел, как с лица девушки впервые со времени их короткого знакомства сползла улыбка.

– Я пришла к тебе, – потупив глаза, растерянно произнесла Эфель.

– Ко мне? – искренне удивился Григорий. – А зачем? Я тебя разве звал? – возмущённо и грубо произнёс Летягин, завязывая в коридоре шнурки ботинок.

– У меня есть на то причина, – всхлипывая произнесла девушка, вытирая ладонью глаза. – Ой, а что это? – растерянно произнесла она, увидев, что её пальцы стали мокрые.

Григорий удивлённо посмотрел на гостью.

– Что-что – слёзы. И вообще, перестань реветь, – потребовал Григорий.

Как и большинство мужчин, он не мог равнодушно смотреть, как плачет женщина.

– Ладно, если уж тебе так приспичило, подожди меня здесь. Если всё пойдёт нормально, к обеду я должен вернуться. Тогда и расскажешь, что за такая причина привела тебя без приглашения в мой дом. А пока иди в ванну и умойся, а то у тебя тушь на глазах поедет.

– А куда тушь поедет? – всхлипывая, вдруг недоумённо спросила Эфель, вытирая ладонью щёки.

Летягин рассмеялся столь наивному вопросу.

– Приду – расскажу, – весело произнёс он.

Обернувшись перед выходом, Григорий увидел, что лицо девушки вновь озарилось улыбкой.

– Не вздумай меня обчистить, – строго сказал Летягин, открывая входную дверь.

Конечно, это верх легкомыслия – оставить у себя в доме незнакомого человека. Но девушка как-то сразу расположила его к себе, и он даже на время забыл самое главное про неё – то, что он буквально час назад видел её во сне. Да и брать в квартире было особо нечего. Во всяком случае, драгоценности там никогда не водились, а все остающиеся от зарплаты деньги уже как год целиком уходили на выплату кредита на машину.

3. Первые последствия встречи

Я стремглав бросился из дома; бежал, словно прищипоренный рысак, по улице, на переходах в метро, вверх и вниз по эскалаторам, а затем на остановку автобуса, где табло предательски высветило, что он прибудет только через восемь минут, и я со всех ног рванул ещё целых два квартала. Чуть отдышался только в лифте бизнес-центра, где десятый этаж целиком принадлежит владельцу нашей организации.

Известно, что «нет ничего хуже, чем ждать и догонять». Не знаю, как насчёт ждать, ведь вся наша жизнь так или иначе сплошь состоит из ожиданий – и ничего, нормально так себя чувствуем, но догнать время, потерянное из-за свалившейся как снег на голову гостьи, мне не удалось. Да и возможно ли это – догнать время? Хотя некоторые учёные мужи утверждают, что, мол, вот тот-то и тот-то якобы когда-то даже его опередили. Ну, не знаю, не знаю! Очень даже сомневаюсь в такой возможности. Во всяком случае, у меня это не получилось, и я предстал пред светлыми очами своего руководителя только через сорок минут после начала совещания. И тут, естественно, началось чуть ли не светопреставление.

– Это что ещё такое?! – чуть ли не в бешенстве прокричал он, едва я, постучав, открыл дверь и сделал шаг в переговорную комнату, в которой уже вовсю шло еженедельное совеща-

щение. – Неужели так трудно раз в неделю прийти на работу вовремя?! – голосом охрипшего после пьянки генерала, отчитывающего своего нерадивого денщика, строго выговорил мне хозяин компании, где я работаю копирайтером последние три года. Причём работаю добросовестно, а не шалей-валяй. Во всяком случае, уж никак не хуже любого другого из наших сотрудников. По-другому я не умею, так как считаю, что если уж взялся за какое-то дело, то будь здоров, сделай его так, чтобы потом не стыдиться за результаты своих трудов. Так что, поверьте – свою зарплату я отрабатываю с лихвой.

Честно говоря, она у нас так себе. Хотя я надеюсь и жду (ну вот, опять это вечное «жду»), что моё рвение наконец-то оценят и вот-вот прибавят мне оклад или хотя бы увеличат процент за выполненные работы.

Но после сегодняшнего опоздания столь вожаделенное увеличение отдалилось, по всей видимости, на неопределённый срок. Не станешь же говорить правду и объяснять, что я задержался из-за того, что неизвестно как в мою квартиру проник человек, утверждающий, что он из другого мира, и мы с ним мило так побеседовали о жизни за чашкой чая с печеньем.

Да уж, сегодня всё было против меня. И если уж день не задался с самого утра, то уж точно так будет продолжаться, как минимум, до его окончания. Во всяком случае, у меня всегда так и происходит. Выбить человека из колеи легко,

намного сложнее вернуться туда обратно. Тут или упадёшь, или как минимум забрызгаешься грязью.

Обычно совещание проводит руководитель проекта. Вполне адекватный и отлично знающий своё дело профессионал, достаточно лояльно относящийся к своим подчинённым. Но, как назло, собравшихся на сегодняшнем мероприятии решил облагодетельствовать своим присутствием Он – не великий, но ужасный – Борис Борисович Остроушко. Человек, которого никто из нас не видел улыбающимся или здоровающимся с кем-либо за руку. Бос Босыч или Бо Бо, как мы его называем между собой.

В свои пятьдесят три года он владеет чуть ли не десятком фирм, занимающихся недвижимостью, строительством, продажей и ремонтом автомобилей, безопасностью и многим чем ещё. С его слов, наше направление – единственное, которое не приносит ему прибыли.

Если это правда (а я в этом сильно сомневаюсь), то непонятно, почему тогда Бо Бо не прикроет эту лавочку и не разгонит нас на все четыре стороны. Что-то здесь явно не стыкуется.

Человек, столь маниакально любящий деньги (а это единственный смысл его жизни), никогда не будет заниматься тем, что не приносит ему дохода. Вот бы узнать его настоящую мотивацию!

А хотя зачем мне это надо? Положа руку на сердце, Бо Бо как человек, меня мало интересует. И как только я сме-

ню работу, то и вспоминать его никогда не стану; мало ли на свете подобных хамов, стяжателей и хапуг. Много им будет чести – вспоминать о таких личностях. Но пока я у него работаю, приходится мириться с заносчивостью этого гражданина.

Ладно, с этим Остроушко, а нравится ли мне вообще работать копирайтером? А почему, собственно, и нет? Во всяком случае, я ещё с восьмого класса начал скрупулёзно и без пропусков записывать в дневник всё, что со мной происходило в течение дня. Особое удовольствие мне доставляло рисовать в дневнике портреты людей, с которыми я контактировал. Не хочу хвастаться, но рисовать у меня получается очень даже неплохо, и я в своё время подумывал о поступлении в институт имени Сурикова. Я и сейчас продолжаю вести дневник, хотя, к сожалению, уже не ежедневно, а от случая к случаю.

Но дневник ведёшь для себя, а здесь приходится писать для совершенно постороннего «дяди». Ну и что, ведь во все времена не гнушались же художники рисовать картины на заказ, литераторы сочинять оды для сильных мира сего или архитекторы проектировать здания различным вельможам. Вот и я пишу то, что требует от меня руководство. А делать исключительно то, что хочется самому, не может позволить себе никто, ну если только юродивые. И богатство тоже не даёт такой возможности. Даже наоборот, чем богаче человек, тем больше у него обязательств и страхов, и тем

более он несчастлив, хотя может и не отдавать себе в этом отчёта. Сомнительное заключение? Во всяком случае, я так считаю.

А Остроушко проводит у нас совещания очень редко, буквально три-четыре раза за год. И вот сегодня, на тебе, как назло, выпал именно такой день.

Да всё бы ничего, но дело в том, что он уже давно страдает тяжёлой формой гордыни. Для него все мы сплошь неумёхи и неудачники, которых он благодетельствовал, соизволив взять на работу.

Я уверен, что если разрешить телесные наказания, то Бо Бо лично порол бы каждого из нас розгами, заготовленными его садовником в лесочке, примыкающем к дворцу Остроушко на «Николиной горе». Вот тогда бы он сиял от удовольствия, видя, как после его ударов на наших голых спинах появляются рубцы.

А если разрешить казни, то я уверен, что часть из нас лишилась бы лично от рук Бос Босыча головы. Представляю, с каким остервенением он бы сжимал своими короткими толстыми пальцами древко топора.

Вот это да! Вот это я разошёлся! Просто я ненавижу, когда на меня кричат. А может, Борис Борисович вовсе и не такой, как я его описал. Может, он душечка, надевший на себя маску эдакого профессора Мориарти? Эх... Хочется в это верить.

– Если ещё раз такое повторится, то можешь сразу писать

заявление. Я понятно говорю? – бушевал Бо Бо, сверля меня взглядом своих рыбьих глаз.

Оправдываться, а ещё хуже – возражать, было всё равно что дразнить быка, который от каждого твоего движения всё больше и больше распаляется, приходя в ярость, и если не убежать или спрятаться, то тот поднимет тебя на рога, а затем затопчет. К сожалению, бежать мне было некуда, а спрятаться и подавно. Оставалось только безропотно кивать головой, соглашаясь со всем, что скажет руководитель.

– Виноват, Борис Борисович. Проспал. До полночи писал статью нашему заказчику, – от растерянности и боязни, соврал я. – Вот, и не услышал будильник.

– Мне всё равно, по какой причине ты опоздал, – продолжал бушевать начальник. – Пусть тебя хоть инопланетяне похитили. (О, как он был близок к реальности!). Ты меня понял? Ты на меня работаешь. Это я тебе плачу деньги, и ты беспрекословно должен исполнять все мои требования. А я требую от всех железной дисциплины. Я понятно говорю? – чеканил Бо Бо, продолжая сверлить меня взглядом до тех пор, пока я смиренно не опустил глаза, уставившись в пол.

Было заметно, что, столь изощрённо отчитывая меня, он получает удовольствие, как от хорошо сделанной работы.

По опыту некоторых теперь уже бывших коллег, если бы мы были один на один, такой разнос мог продолжаться достаточно долго. Но сейчас в помещении присутствовало два десятка человек, а может, у него просто было хорошее на-

строение; во всяком случае, Бо Бо решил, что с меня пока достаточно, и он смилостивился.

– Ладно, присоединяйся. Но чтобы это было в первый и последний раз. А с завтрашнего дня станешь каждый день работать в офисе. Что-то ты сильно расслабился на удалёнке.

Как и многим людям, не обладающим лидерскими качествами, мне необходимо, чтобы меня вдохновляли, подпитывали своей уверенностью, целеустремлённостью и энтузиазмом, пламенной верой, что всё получится, и тогда я, как говорится, готов свернуть горы и повернуть реки вспять. Ругань и выговоры в моём случае не работают. От неё я, наоборот, раскисаю. У меня, что называется, опускаются руки. Поэтому после сегодняшнего разноса я однозначно решил начать подыскивать себе другое место работы.

Пороть горячку и на эмоциях сразу писать заявление на увольнение не стану, не такой я человек. Но при первом благоприятном случае уйду без малейших сожалений. Пусть потом Бо Бо жалеет, что лишился столь молодого и перспективного работника.

Сотрудники, сидящие в нашей большой переговорной комнате, где обычно и проходит еженедельное совещание, с плохо скрываемым злорадством выслушав упрёки начальника в мой адрес, уткнулись носом в свои ноутбуки, знакомясь с перечнем и описанием заданий, которые надо было сегодня распределить между собой.

Обычно к этой важной процедуре я отношусь чрезвычай-

но ответственно, пытаясь застолбить за собой темы, в которых наиболее компетентен. Но в этот раз мне было совершенно безразлично, что достанется и достанется ли что-либо. Все мысли были только о своей неожиданной гостье. Я только и ждал момента, когда Борис Борисович утомонится и наконец объявит, что совещание закончилось.

Я только сейчас, постаравшись выкинуть из головы устроенную мне выволочку, полностью осознал произошедшее утром событие, и у меня возникло столько вопросов, что их количество буквально не вмещалось в голове.

Я страшно корил себя за то, что ушёл от моей гостьи на это дурацкое совещание. Ведь работа, а тем более этот Остроушко – ничто по сравнению с материализацией человека из твоего сна. Со мной произошло что-то несусветное, а я променял это на непойми что. Мне стало понятно, что ни о чём другом думать сейчас я не в состоянии. Пришлось сделать непроницаемое лицо и сделать вид, что внимательно слушаю руководителя, хотя почти не воспринимал то, о чём он говорит. Затем я наугад, даже не посмотрев, о чём они, ткнул на ноутбуке несколько заданий, которые надо было выполнить в течение недели.

Кое-как досидев до конца мероприятия, я со всех ног ринулся домой.

4. Разгадка сновидения

Когда Летягин быстрыми шагами уже подходил к своему дому, его обуяла тревога, что вот он откроет дверь и увидит, что квартира пуста, и непрощенная гостья испарилась, словно её и не было.

Он одновременно боялся и страстно желал новой встречи с вторгшейся в его жизнь девушкой. «Не надо мне было идти на это пакостное совещание. С таким начальником всё равно рано или поздно придётся увольняться. Так пусть уж лучше это случилось бы раньше», – снова досадовал Григорий.

Если он не увидит гостью в своей квартире, то будет донельзя разочарован, подобно прыгуну, решившему сигануть с высокой скалы в море, и которому что-то помешало это сделать. Да, он не подверг риску свою жизнь, но и не получил наслаждения от захватывающего дух прыжка и восторга счастливого окончания опасного эксперимента.

Ему подумалось, что в этом случае он всю оставшуюся жизнь будет терзаться от вороха незаданных вопросов, на которые он мог, но исключительно по своей вине уже никогда не получит ответов.

Подойдя к двери квартиры, он достал из кармана ключ, осторожно, будто боясь испугнуть гостью, вставил его в замочную скважину и аккуратно, стараясь делать это как можно тише, повернул на три оборота, после чего медленно,

словно оттягивая время разочарования, открыл дверь.

– Гриша, ты пришёл? – услышал он звонкий голос выбегающей в коридор Эфель.

Летягин облегчённо выдохнул. На его счастье, девушка никуда не исчезла. Если было бы иначе, он никогда себе бы не простил сегодняшний поход на работу.

– Пришёл, пришёл, – ответил Летягин как можно более равнодушным тоном, снимая в коридоре ботинки.

Из прихожей, кинув случайный взгляд на стоящий в углу кухни холодильник, Григорий только сейчас вспомнил, что никакой еды, кроме нескольких завалявшихся кусков чёрствого хлеба и початой банки сгущёнки, в доме нет. А в дороге он настолько был занят своими тревожными мыслями, что прошёл мимо нескольких магазинов, даже не удосужившись посмотреть в их сторону.

– Прийти-то пришёл. Но, кажется, что надо снова уходить, – пробурчал он.

– Почему уходить? – тихо спросила гостя обескураженно.

– Кушать очень хочется, а продуктов в доме хоть метлой помашаи.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

– Тьфу ты, неправильно – хоть топором рубани... Да что ж такое? – досадовал на себя Летягин, из-за приключившихся переживаний забывший известный фразеологизм. – Хоть шаром покати, вот как правильно.... Теперь поняла?

Выражение её лица свидетельствовало о полном недоумении. Девушка даже не нашлась, что спросить.

Вопросы, словно осенние листья с деревьев, так и норovali слететь с его языка, но он решил, что успеет их задать, но только после того, как купит что-нибудь съестное. У него уже давно сосало под ложечкой, то ли от голода, то ли от тревоги. Да и гостью, пусть и непрошеную, которая почти целый день ничего не ела, тоже надо было чем-то накормить. Тем более он заметил, что утреннее печенье так и осталось лежать нетронутым.

Раз она не ушла до сих пор, значит, не уйдёт и ещё двадцать минут, что он будет находиться в магазине, здраво рассудил Летягин.

– В общем, скоро приду. А ты пока посмотри телевизор, – сказал Григорий, проходя в комнату и нажимая на кнопку пульта дистанционного управления. – Магазин у нас совсем рядом, так что я ненадолго. Тебе что купить поесть?

– Купить – это как?

– Что как? – не понял вопроса Летягин.

– Ну, ты сказал – купить поесть.

– Не сказал, а спросил.

С удивлением сообразив, что гостя не понимает значение слова «купить», Григорий попробовал объяснить.

– Я сейчас пойду в магазин и обменяю деньги на продукты. Так понятно?

– Де-нь-ги, – протяжно произнесла гостя, явно пытаясь

что-то вспомнить.

Девушка сморщила лоб и несколько секунд пребывала в задумчивости, затем её лицо озарилось довольной улыбкой.

– Вспомнила, что такое деньги! – радостно сообщила она.

«И правда, как с другой планеты», – подумал он.

– Вот и молодец. Ну, всё – я пошёл, – сказал Летягин, решив, что после обязательно спросит, как там, где якобы живёт гостья, строятся товарно-денежные отношения.

– А вам разве еду не приносят? – произнесла девушка с грустью, что тот, которого она целый день так ждала, снова уходит.

– Ну почему же? Можно, конечно, заказать и доставку, но неизвестно когда и что ещё принесут. Может, какую-нибудь просрочку втихаря впарят, к тому же придётся довольно долго ждать, а мой желудок этого уже не вынесет.

Возможно, что он и не настолько уж был голоден, как он это описал, а просто после того, как убедился, что гостья никуда не делась и у него отлегло от сердца, решил дать себе передышк и ещё раз собраться с мыслями.

– Понятно, – растерянно произнесла Эфель, и по её голосу стало ясно, что она снова ничего не поняла.

– Так что тебе всё же купить? – повторил вопрос Летягин, открывая дверь.

– Что-нибудь жидкое, – подумав, неуверенно произнесла девушка.

– Воды, что ли?

– Нет, нет. Купи мне то же, что и себе, – попросила она, смущённо заулыбавшись.

Григорий не стал больше задавать вопросов. Закрыв ключом дверь, дёрнул за ручку, чтобы убедиться, что она точно не откроется, и направился в ближайший магазин, который располагался на первом этаже соседнего здания.

* * *

Если тебе лень или некогда готовить, то «Останкинские» пельмени – самая что ни на есть подходящая еда, подумал Летягин, купив их сразу две пачки. «Они вполне себе съедобные, особенно если их не варить, а жарить», – рассудил Григорий. А ещё взял полкило варёной колбасы, батон свежего, ещё даже чуть тёплого хлеба, упаковку мармелада, сахар и двухлитровый пакет томатного сока. «Она просила чего-то жидкого, вот пусть его и пьёт сколько душе угодно».

Расплатившись банковской картой на кассе, Летягин направился домой. Теперь он уже не спешил, анализируя на ходу создавшуюся ситуацию. Вспомнил, как несколько месяцев назад, один популярный ныне блогер заказал ему написать статью о необычном происшествии, якобы произошедшем с ним. «Вот я тогда намучился, и в итоге сочинил какую-то несуразицу. А тут и выдумывать ничего не надо. Всё само пришло в руки», – рассуждал Григорий уже с профес-

сиональной точки зрения.

Несмотря на сильнейшее желание быстрее задать терзающие его вопросы, он одновременно боялся ответов, которые получит от той, которая столь неожиданным образом вошла в его жизнь, нарушив её сложившийся размеренный ход, кардинально менять который в ближайшее время он уж точно не намеревался. Но что-то ему подсказывало, что теперь это придётся сделать.

Ещё его несколько смущала внешность гостьи. Всё вроде при ней: и миленькое личико, и фигурка такая ладненькая, как у натурщиц Лу Ли Ронга; наивные, смеющиеся серые глаза, густые волосы с длинной, спадающей на глаза чёлкой. Но вот чего-то явно не хватало, чтобы вызвать безоговорочную симпатию Летягина.

– Ну а всё же объясни, как ты умудрилась попасть в мою квартиру. Не на половой же щётке ты в форточку залетела? – ещё из коридора задал первый вопрос Летягин, придя из магазина. Хотя...

– А разве у вас на щётках летают? У нас такого нет, – удивлённо спросила радостно подбежавшая к Летягину заждавшаяся гостья.

– А у нас вот есть, некоторым экспрессивным гражданам это вполне даже свойственно.

– Как здорово!.. Нет, в форточку я не залетала. Всё намного прозаичнее. На бульваре, на котором ты оказался во сне,

я держала тебя за руку, и в момент, когда ты проснулся, мы вместе перенеслись в твой мир. Ты туда вернулся и забрал с собой меня.

Пришло время Летягина ничего не понимать и вопросительно уставиться на свою гостью.

– Да уж, ничего прозаичней и придумать сложно... Но, когда я проснулся, тебя же в спальне не было, но потом вдруг бах, и появилась, словно приведение.

– А вот и нет, я здесь была с самого твоего пробуждения. Просто вставая, ты меня спросонья сразу не заметил, ведь я находилась с другой стороны кровати. Так что, опять же, всё очень просто.

Летягин недоверчиво посмотрел в наивные глаза девушки, в которых не было ни грамма хитрости или насмешки, и понял, что, несмотря на абсурдность всего произнесённого, над ним вовсе не насмеются.

– Вот теперь всё стало ясно как божий день! Конечно, это донельзя обыденно, и проще не бывает. Как щёлкнуть пальцами. Григорий смачно, с громким, характерным звуком, продемонстрировал соответствующее движение. – По-твоему получается, что я тебя сам притащил на свою голову?

– Именно так, – произнесла довольная Эфель.

«Кто-то из нас двоих точно бредит или сошёл с ума. Сон, сирень, лавочка, другой мир, что за чушь несусветная, нелепица полная, абсурд... А может, это чей-то нелепый розыг-

рыш? Хотя кому надо меня разыгрывать?... Да никому», — размышлял Григорий, чувствуя, что у него начинает болеть голова.

— Ты уже который раз талдычишь про какой-то твой мир. Что это ещё за мир такой особенный выискался?

— Самый обычный мир. Такой же, как и твой, только другого уровня. Я сейчас, пока тебя ждала, смотрела телевизор, и тут всё как у нас — такие же дома, деревья, облака. Только люди одеты чуть по-другому, и машины у нас по улицам давно не ездят. Во сне, когда сознание свободно от тела, оно может перемещаться по уровням, но только по нижним. А на верхний ты попал благодаря сиреневому мостику. Такое возможно лишь несколько дней в году, пока и в вашем, и нашем мире цветёт сирень, и то если сложатся определённые и очень маловероятные условия.

Летягин внимательно посмотрел на невозмутимо улыбающуюся Эфель, которая говорила так, словно озвучивала непреложную истину, которую любому мало-мальски образованному человеку стыдно не знать. Он очень пожалел, что у него совсем дилетантские познания в медицине, в частности, в области психиатрии.

В то, что рассказывала гостя, невозможно было поверить, но все доводы о невозможности произошедшего, разбивались об один факт: он действительно видел её во сне. Именно её, никаких сомнений тут быть не могло.

— То есть ты хочешь сказать, что я тихо-мирно уснул у се-

бя в кровати, и тут на тебе – каким-то невообразимым, чудесным образом переместился в ваш мир, и там спокойно так, босой, в трусах и мятой майке сидел на лавочке, при этом рядом шастали все кому не лень? – недоумённо спросил Григорий, пожимая плечами и нервно жестикулируя.

– Ну да, именно так всё и было. Ты переместился к нам по сиреневому мостику, – рассмеялась девушка.

– И проходящие мимо девчонки смеялись именно из-за моего внешнего вида? – досадуя, спросил Летягин, представив, как нелепо он в тот момент выглядел.

– Это мои подружки, но ты действительно смотрелся очень комично, – продолжила смеяться гостья.

Григорий укоризненно посмотрел на девушку, будто та была виновата, что он в столь неприглядном виде оказался сидящим на этой злосчастной скамейке у всех на виду.

– Смотрю, вы там все постоянно ухохатываетесь. И больше никаких дел ни у кого из вас нет, – раздражённо произнёс Летягин. – И приспичило вам в этот день и час оказаться именно в том месте.

– Я получила разрешение, и мы уже два года каждый день с подружками гуляем по этому бульвару в дни цветения сирени. Тем более я очень надеялась, что ты рано или поздно там появишься.

– Что-что?! Надеялась, что появлюсь именно я?! – не смог скрыть удивления Григорий.

– Да, именно тебя я и ждала, и никого другого.

Летягин инстинктивно крепко закрыл глаза от бессилия понять собеседницу.

– Допустим. А если бы я появился не на этом бульваре, а совсем в другом месте?

– В другом месте ты появиться не мог, – всё так же улыбаясь, отрезала Эфель.

– У вас что, сирень растёт только там? – с вызовом спросил Григорий.

– Она у нас растёт во многих местах, но сиреневый переход может образоваться только на этом бульваре. Это уже проверено.

Летягин нервно сглотнул слюну и, опять закрыв глаза, на несколько секунд замер в оцепенении. Затем его глаза широко раскрылись, и он почти прокричал:

– Чушь несусветная!.. Получается, что я ни сном ни духом даже не догадывался о твоём существовании, а ты знала обо мне и даже ждала? Как такое возможно? – развёл руками Летягин, разгневанный от того, что он не понимает то, о чём говорит гостя.

Девушка с искренней жалостью и сочувствием посмотрела на обескураженного Григория.

– Давай я тебе это объясню, но чуть попозже. Иначе ты окончательно запутаешься.

По мере её ответов количество вопросов к Эфель увеличивалось в геометрической прогрессии. Григорий даже растерялся, не зная, какой задать следующим. К тому же он чув-

ствовал, что теряет над собой контроль, и поэтому решил взять паузу, чтобы хоть как-то осмыслить новую информацию.

– Ладно, пусть будет позже. Значит, давай тогда действовать так: ты пока посмотри ещё телевизор, а я начну жарить пельмени, а то ещё чуть-чуть, и у меня желудок склеится, а голова треснет от твоих бредовых рассказов... На твою долю готовить, или в вашем мире каждый день не едят?

– Ещё как едят! Пища необходима ежедневно во всех мирах.

– Хотя в этом успокоила, и надеюсь, что каннибализм у вас не приветствуется.

– В нашем мире нет, а в других вполне возможно, – всё так же улыбаясь, произнесла Эфель.

По коже Летягина волной пробежали мурашки.

Григорий уже почти принял, что его мир вовсе не единственный. Про параллельные миры он в детстве много читал и смотрел фантастические фильмы, но чтобы увидеть его реального представителя вот так запросто сидящим рядом с собой – это что-то запредельно невообразимое, во всяком случае, так было до сегодняшнего утра.

«Хотя, как знать, раз это всё писалось и снималось, то, может, и имело под собой какое-то глубинное основание, в правильности которого авторы, возможно, и не подозревали, но где-то глубоко в подсознании чувствовали. Ведь многое из того, что в своё время описывали фантасты, уже про-

изошло воочию, и, может, теперь пришла пора проявиться и реальным параллельным мирам», – вдруг подумалось Летягину, когда он, налив подсолнечного масла, выкладывал пельмени на горячую сковородку.

После того как пельмени слегка подрумянились с одной стороны, Григорий перевернул их деревянной лопаткой, перевёл газовую горелку на медленный огонь и вернулся в гостиную.

5. Неожиданный поворот

Когда Летягин вернулся с кухни, то гостя всё так же сидела в кресле и увлечённо смотрела какой-то душещипательный сериал («жизненный», как называла подобные фильмы мама Григория, которая тоже не могла от них оторваться). Ему показалось, что девушка даже не сразу заметила, как он вошёл.

Григорий подошёл к телевизору и, ничего не говоря, выключил его. Эфель сверкнула глазами, но ничего не сказала.

– Ладно, допустим, с сознанием ещё более-менее что-то можно понять. А вот скажи на милость, как моё брэнное тело оказалось на этом вашем бульваре? Каким образом мои семьдесят восемь килограмм умудрились пройти по этому эфемерному мостику? – задал Летягин новый вопрос, на который рационального ответа получить и не надеялся.

По всему, гостя ждала этого вопроса, поэтому бойко стала отвечать.

– Иногда во сне сознание перемещается вместе с телом. Есть несколько гипотез, хотя никто точно не знает, как это происходит, но прецеденты таких переходов в дни цветения сирени, были. Во всяком случае, об одном нам известно достоверно, а ещё о нескольких сохранились рассказы очевидцев. И вот теперь добавился ещё и твой переход.

Ответ для Летягина оказался малоубедительным, ничего

толком ему не объяснив.

– Ты уже который раз талдычишь про эту сирень. Она-то здесь каким боком участвует?

– Без неё ничего такого случиться бы не могло. Это единственное на Земле растение, пахучие вещества которого свободно перемещаются между мирами. А когда в каком-то месте концентрация этих веществ достигает определённой критической величины, то создаётся временный переход из одного мира в другой. Такой вот, как я уже говорила, сиреневый мостик.

Аргументов что-либо возразить, кроме как ещё раз сказать, что это полная чушь, Летягин не находил. Каких-либо достоверных познаний о параллельных мирах и всего подобного у него не было, как их не было ни у одного человека на этой планете. Но он, как натура творческая, был готов к новым для себя знаниям и открытиям.

Григорий даже представил, какую сенсационную статью можно написать на основании произошедшего с ним сегодня события. Тем более оно ещё не закончилось, а находится только в начальной фазе своего развития.

– Прямо чистой воды сиреневая телепортация какая-то, – недоумённо пожав плечами, произнёс Григорий. – Ладно, допустим. Но я заснул у себя дома, а оказался у вас на бульваре. Почему именно там, а не в другом каком-либо месте? Как это объяснить?

– Опять же, очень просто. По всей видимости, около тво-

его дома цветёт сирень, и её аромат достиг твоей спальни, и мостик как раз соединил твою квартиру и наш бульвар.

Около подъезда Летягина и чуть поодаль действительно росло несколько больших и раскидистых кустов сирени, и он, стоя на балконе, каждой весной блаженно вдыхал дурманящий запах её цветов. А при тёплой и безветренной погоде засыпал, наслаждаясь сиреневым ароматом, заполняющим квартиру через настежь открытые окна. «Да, а вчерашний вечер и впрямь был очень тёплый. Душно даже стало. И я действительно открыл окно и даже балконную дверь», – вспомнилось Летягину.

– Дичь какая-то! И где он находится, этот ваш мир?

– Да здесь и находится, – ответила Эфель снисходительным тоном, словно объясняя прописную истину непонятливому ребёнку.

– Здесь – это где? – язвительно спросил он.

– На Земле, в том числе на этом самом месте, в нашем с тобой городе.

Григорию представилось, что он спокойно так ходит по головам людей из другого мира, а они этого и не замечают.

– Это же невозможно! Как такое может быть?! – почти закричал Летягин, обхватив ладонями виски.

– Очень может быть. Так всё устроено. Причём миров на земле даже не два, а намного больше. Я живу на последнем, а есть ли мир над нами – этого знать не дано, а может его и вовсе нет. Во всяком случае, в наших учебниках напи-

сано, что пока достоверно известно о семнадцати мирах.

– У них ещё и учебники есть на эту тему, – пробурчал ошарашенный Григорий. – А в ваших учебниках не написано про существование золотой рыбки, Конька-Горбунка или Бабы-Яги?

– Ой, нет. У нас такого даже не упоминается, – заинтересовалась девушка.

– Ну вот. А ещё говорит, что живёт на самом верхнем уровне, а в элементарных вещах не сведуща. У нас про это давно всё написано, правда, не в учебниках, а в сказках. По всей видимости, именно так правильнее называть ваши учебники.

– Нет. Сказки у нас есть, но там пишут совсем про другое.

– Да, с чувством юмора в вашем мире, наверное, не ахти, – съязвил Летягин. – Ладно, проехали. С твоих слов получается, что я живу в мире ниже твоего.

– Твой мир, по всей видимости, соседствует с нашим, но на один уровень ниже.

Вдруг Эфель насторожилась и, с любопытством крутя головой, сделала несколько коротких вдохов.

– Какой интересный фимиам, – улыбнулась она, сверкнув белоснежными зубами.

Тут и Летягин почувствовал запах, природу которого он сразу же без ошибки определил.

– Ёлки-палки! Какой в пень фимиам! Это пельмени мои сгорели! – выругался он и, вскочив со стула, ринулся на кух-

ню.

Буквально через две минуты он вернулся в комнату, неся в руках тарелку с несколько излишне подрумяненными пельменями и две вилки.

– С одной стороны чуть пережарились, но есть ещё вполне можно, – констатировал Григорий, водружая дымящуюся тарелку на стол.

Девушка с подозрением осмотрела горку неправильной формы бежево-коричневых эллипсоидов, источающих незнакомый, малоприятный ей запах.

– На, держи вилку, – произнёс Григорий, протягивая Эфель столовый прибор.

– Какая штучка занятная! – улыбаясь, произнесла гостья, вращая в руках и с интересом рассматривая незнакомый ей предмет с четырьмя зубцами.

– Не знаешь, что такое вилка? – в очередной раз удивился Летягин. – Вы что там у себя руками едите или сразу ртом, а может, палочками, как у нас китайцы? – поинтересовался Григорий, лихо насадив пельмень на вилку и отправив его в рот.

За первым последовал второй пельмень, за ним третий.

Девушка с любопытством наблюдала за этим процессом и рукой воспроизводила движения Григория, словно тренируясь.

– У нас нет такой пищи. Я же тебе говорила, что у нас вся еда жидкая, и пьём мы её из различных ёмкостей, в основном

через трубочку, – рассказала Эфель, вилкой прицеливаясь к пельменю.

Наконец Эфель наткнула пельмень и с опаской поднесла ко рту.

– Сначала подуй на него, а то можно обжечься, – посоветовал Григорий.

Видя замешательство девушки, он показал, как это надо делать, после чего гостя продолжила сама.

– Ну хватит дуть. Он уже давно остыл, – остановил Григорий усердно дующую Эфель. – Теперь клади пельмень в рот и жуй.

– Жуй? А это как?

– Зубками так хрум-хрум, – продемонстрировал Летягин, как это надо делать, подхватив ещё один пельмень.

Девушка с боязнью положила пельмень в рот и осторожно стала жевать.

– Прожевала? А теперь глотай.

Эфель сделала над собой усилие и, сморщившись, проглотила незнакомый ей продукт. В тот же миг она перестала улыбаться, и скривила лицо.

– Какая гадость! – Лицо девушки побелело, и она стремглав бросилась в ванную комнату.

Григорий же, пододвинув к себе тарелку, стал с аппетитом уплетать столь не понравившийся Эфель кулинарный шедевр.

– Я смотрю, в еде ты ничего не понимаешь, – аппетитно

жуя, сказал Летягин вернувшейся девушке. – Ну, значит, мне больше достанется.

Не доев до конца, он сходил на кухню и принёс сок и два стакана.

– Извини великодушно, что плохо подготовился, но соломинки у меня нет, – произнёс он, разливая содержимое пакета.

Девушка с опаской поднесла стакан с красной жидкостью к губам и стала интенсивно на него дуть.

– Он не горячий, – рассмеялся Григорий. – Можешь смело пить и так.

Эфель робко поднесла стакан к губам и сделала маленький глоточек. Летягин испугался, что сейчас повторится реакция девушки на пельмени. Но волнение было напрасным. Глаза у неё засияли, и лицо вновь озарила счастливая улыбка.

– Ой, как вкусно! – восторженно произнесла она.

– Ну наконец-то тебе хоть что-то понравилось.

– А как ты его сделал?

– Я его не делал, а купил готовым. А делается он из помидор или томатной пасты.

– Из помидор, – растяжно повторила девушка.

В это время зазвонил лежащий на зарядке под зеркалом в прихожей смартфон.

– Тут вот какое дело... Мне надо на полчаса отлучиться. Матушка через соседку передала мои старые флешки, кото-

рые я у неё оставил, переезжая после ремонта в эту квартиру. Ничего не поделаешь, придётся идти к метро, – закончив телефонный разговор поведаль Григорий с искренним сожалением.

– А можно я пойду с тобой? – робко спросила гостья.

Никуда идти Летягину не хотелось. Он сейчас каждую минуту узнавал много такого, что ни один человек не мог представить даже в самых буйных фантазиях. Да и эти флешки были ему не особо нужны. Никакой хоть сколько-нибудь ценной на данный момент информации на них не содержалось. Но он сам недавно попросил мать при okazji их передать, и теперь деваться было некуда.

Он, конечно, мог заехать и забрать их сам, но в последнее время отношения с отчимом стали достаточно напряжёнными, и лишний раз встречаться с ним он не имел никакого желания.

– Видок для выхода, конечно, у тебя так себе, – прикусив губу, произнёс Летягин, осматривая девушку с ног до головы.

– Ой, я что, плохо выгляжу?! – встрепенулась гостья, поспешив подойти к зеркалу.

– Я не о том. Выглядишь ты замечательно. Но как тебе сказать? – Григорий сделал паузу, подбирая слова. – У нас по улицам в таком виде в основном ходят женщины лёгкого поведения, когда хотят заполучить себе клиента.

– А что это за такие женщины? – заинтересовалась гостья.

– Ну, как тебе сказать... В общем, это те, кто торгуют своим телом.

– Торгуют? – не поняла Эфель.

– Торгуют – это продают за деньги или за какое-либо другое материальное или какое-либо иное вознаграждение, – перефразировал он. – У вас таких, наверное, нет.

– Очень даже есть, – гордо сообщила гостья. – Только у нас их называют не «лёгкого поведения», а – шалавы.

Григорий аж закашлялся, услышав такое признание из уст столь наивно выглядевшего создания.

– Поразительно, – удивлённо произнёс Григорий. – Не поверишь, но у нас это слово тоже в ходу.

– Ой, как здорово, – всплеснула руками Эфель.

Летягин открыл шкаф и, покопавшись, выудил оттуда несколько вещей.

– Одевай мои спортивные брюки, в поясе их можно подвернуть, и для них размер не настолько уж важен, и футболку. Как раз широкие мужские футболки сейчас в тренде у наших эпатажных модниц.

– Эпатажные – это весёлые?

– Весёлые, весёлые, – подтвердил Григорий, не желая ударяться в объяснения.

Дабы не смущать гостью, Летягин вышел в другую комнату. Вернувшись, он увидел рассматривающую себя со всех сторон в зеркале, чуть ли не плачущую Эфель.

– Мне всё это велико и совершенно не идёт, – произнесла девушка, жалостливо смотря на Григория. – И мои туфли к этим штанам совершенно не подходят.

– По мне, всё очень даже неплохо, как минимум на твёрдую троечку... А впрочем, как знаешь. Если не нравится, посиди пока дома, а я схожу один.

– Нет, нет! Пойдём вместе, – торопливо согласилась Эфель.

Пока они собирались, Летягин ощутил некое волнение; ему очень захотелось, чтобы столь любимый им город понравился его новой знакомой.

* * *

До метро быстрым шагом можно было дойти за минут десять. Запас времени до встречи позволял идти достаточно неспешно, и девушка с нескрываемым любопытством крутила головой, рассматривая всё, попадавшееся на их пути.

– Почти всё как у нас. Такие же дома, деревья, улицы, – удивлялась девушка, увлечённо озираясь по сторонам.

– Не отставай. А то потеряешься и не найдёшь дорогу обратно, – строго скомандовал Летягин немногочисленной гостье.

Григорий поймал себя на мысли, что следит за ней, словно за маленьким несмышлёным ребёнком, и после того, как она, увлечшись осмотром, отстала в очередной раз, он взял

её за руку.

– Ой, какие интересные значёчечки, – высвободившись на время, всплеснула руками Эфель.

– Какие ещё значёчечки?

– Да вот на стенах, – свободной рукой показала девушка на вывески, растянувшиеся почти сплошной линией на длинном доме с высокой аркой посредине.

– Это не значёчечки, а буковички, – передразнил Григорий. – Такие же, как в книгах, только более крупные.

– Да-да, книги! Я знаю, что это такое, – обрадовалась девушка. – Видела их когда-то в доме у одного папиного знакомого.

– Судя по твоей реакции, получается, что книг в обиходе у вас нет? – удивился Летягин.

Тут Григория осенила догадка. Он даже остановился.

– А читать-то вы хоть умеете?

– Некоторые пожилые люди умеют, а нам, молодёжи, это без надобности. Всё, что надо, мы воспринимаем на слух или по картинкам.

– Вот это да! Вот тебе и верхний уровень. Всё как в племени Тумба-Юмба, – расхохотался Летягин.

– Где? – не поняв, переспросила гостя.

– Нет, нет. Это я просто так, – сказал Григорий, сдерживая смех и поняв, что в подробности лучше не вдаваться. – Вот написано, что это магазин, – произнёс Летягин, указав на очередную вывеску. – Теперь ясно, почему вывесок у вас

нет. Их просто некому читать.

– У нас и магазинов никаких нет.

Летягин опять остановился и в очередной раз удивлённо посмотрел на гостью.

– А откуда же вы берёте еду и одежду?

– Мы ничего не берём, нам всё приносят кичелы.

– Кичелы? Это что ещё за звери такие? – удивился Григорий.

– Никакие они не звери, – рассмеялась Эфель. – Кичел – это кибернетический человек.

– Роботы, что ли?

– Роботы-гуманоиды, так, наверное, их правильно называть.

Ну, про что-что, а про роботов Григорий был в достаточной мере осведомлён. Ещё Леонардо да Винчи изготавливал для потехи механических людей и зверей, да и то он в этом был далеко не первым. Да мало какой фантаст обошёл в своём творчестве тему человекоподобных машин с искусственным интеллектом. И опять же, подобных книг в юности Летягин прочитал массу и пересмотрел бесчисленное количество фильмов. Да и первые уже совсем даже не примитивные, а достаточно продвинутые модели роботов уже повсюду демонстрируются на выставках и во всевозможных средствах массовой информации.

– Слушай, а ты отлично говоришь по-русски, получается, что у нас с вами и язык одинаковый, – озвучил Летягин

мысль, только что пришедшую ему в голову.

– Языки действительно во многом идентичные, но всё же есть кое-какие различия.

– Так откуда тогда ты так здорово владеешь нашим? Я пока не заметил никакой разницы.

– Меня учил ему человек, владеющий вашим языком в совершенстве. А я, по-видимому, была способной ученицей.

Подойдя ко входу метро, им пришлось всего буквально минуту подождать, пока из дверей не появилась Анна Петровна, мамина соседка и подруга чуть ли не с юности. Она с любопытством, несколько не смущаясь, рассмотрела Эйфель, при этом не смогла сдержать скептической ухмылки, видимо реагируя на одежду девушки. Но так как она куда-то очень спешила, то Летягин, забрав флешки, только и успел из приличия поинтересоваться её и маминым здоровьем.

– И насколько ты планируешь здесь у нас задержаться? – спросил Григорий, когда они двинулись в обратный путь.

– Пока цветёт сирень. Иначе потом я не смогу вернуться домой до следующей весны.

Девушка в задумчивости остановилась.

– Хотя полной уверенности, что возвращение удастся, нет, – тихо и как-то на удивление равнодушно, произнесла Эйфель и продолжила движение.

– Получается, не больше недели, в лучшем случае дней десяти, – прикинул Летягин. – Да, но где ты всё это время собираешься жить?

– Я бы хотела остаться у тебя, ведь других знакомых у меня здесь нет.

– Интересный расклад... А если мне вдруг чего-то захочется?

Летягин замялся, не зная, как продолжить, чтобы не обидеть, по большому счёту, почти незнакомого человека.

– Как бы тебе это попонятнее объяснить, – щёки Григория зарделись. – В общем, заняться с тобой процессом, в следствии которого в нашем мире появляются дети. Или у вас это происходит как-то иначе? Ты меня понимаешь?

– Конечно, понимаю, – нисколько не смутившись, ответила Эфель. – Почему у нас должно это происходить как-то иначе? Союз мужчины и женщины у нас не запрещён, хотя большинство предпочитает заводить детей искусственным образом. Впрочем, в нашем с тобой случае это не важно. Ничего захотеться у тебя не получится.

– Ты плохого обо мне мнения или о себе. Не хочу тебе особо льстить, но ты достаточно симпатичная особа.

– Спасибо. Я это знаю. Но моя внешность здесь совершенно ни при чём. Интимная связь между ближайшими родственниками, насколько я знаю, запрещена на всех земных уровнях.

– А при чём здесь это? – оторопел Григорий.

Гостя остановилась и пристально посмотрела в глаза Летягина.

– А при том, что мы с тобой родные брат и сестра, – пе-

рестав улыбаться, серьёзно произнесла Эфель.

Он замер как вкопанный и немигающим взглядом уставился на гостью.

«Ну, наконец-то!» – подумал Летягин, машинально проведя по волосам и убедившись, что они встали-таки дыбом.

* * *

Эфель в чрезвычайном волнении не отрывала взгляда от его глаз. Видела, как они у него широко раскрылись, зрачки заняли всю радужную оболочку. Брови взлетели вверх, а открытый рот продемонстрировал ровные, белые зубы.

Летягин вздрогнул, скрючился и разразился громким, неконтролируемым хохотом. Его руки то сжимали голову, будто придерживали её, чтобы та не оторвалась от столь бурной эмоции, то опускались к животу, теперь уже боясь за его целостность.

Летягин смеялся и никак не мог остановиться. Глаза у него покраснели и заслезились. Эфель испугалась, что они вот-вот вытекут из глазниц.

Изумлённые прохожие, видя столь неадекватное поведение незнакомого им гражданина, ускоряя шаг, отворачивали в сторону, чтобы быстрее миновать возможную опасность, исходящую от столь неадекватного индивидуума.

– Гриша, успокойся, успокойся! – с тревогой призывно произносила она, судорожно поглаживая Летягина по голо-

ве.

И через время это сработало. Его волосы у неё под рукой улеглись, смех становился всё тише и через минуту прекратился вовсе. Летягин выпрямился.

– Фу, – устало выдохнул он. – Что это было? – спросил потрясённый Григорий.

– Не знаю, но я так за тебя испугалась.

– А я знаю, это истерика.

– Истерика? А что это такое?

– Это когда одномоментно на человека наваливается слишком много сильных эмоций и происходит нервный срыв. А на эмоции, благодаря тебе, сегодняшний день был очень урожайным.

Летягин в изнеможении присел на низенький железный забор, ограждающий детскую площадку.

– Получается, это всё из-за меня, – виновато произнесла девушка, усевшись рядом с ним.

– Нет, всё нормально, – успокоил Летягин гостью. – А теперь объясни, пожалуйста, откуда ты взяла, что мы брат и сестра, – настойчиво потребовал он.

Эфель было открыла рот, чтобы ответить на этот вопрос, но, подумав, произнесла:

– Давай ты сейчас уже окончательно успокоишься, а когда придём домой, и вот там я всё объясню, а то на нас и так все подозрительно оборачиваются.

Григорий согласился, подумав, что если он услышит ещё

что-нибудь подобное, то одной лишь истерикой можно не отделаться. Он удивлялся себе, ведь раньше никакой повышенной эмоциональности за ним не наблюдалось, и он, с высоты своей достаточно нервной работы, считал себя вполне стрессоустойчивым человеком, а тут на тебе – такое выдал.

Остаток пути они прошли в полном молчании. Летягин хоть и старался абстрагироваться от услышанного, в уме всё же перебирал варианты, как вдруг он мог оказаться родным братом человеку из другого, не связанного никак с его, мира. Но как он ни старался, не находил никаких разумных объяснений. Да и неразумные варианты тоже не приходили в голову.

А Эфель размышляла, как ей всё рассказать, чтобы Григорию вновь не стало плохо.

Летягин чувствовал слабость во всём теле, ноги подрагивали и с неуверенностью передвигались. Но столь резкий выплеск помог ему сбросить эмоциональное напряжение, вызванное сегодняшними событиями. Накопившаяся негативная энергия ушла вместе с истеричным смехом, и он вновь мог рассуждать рационально.

Девушка же, успокоившись сама, во все глаза смотрела по сторонам, продолжая удивляться тому, что почти всё, что она видит, за исключением деталей, мало чем отличается от того, что есть в её мире.

Особенно её заинтересовал один дом, на который она обратила внимание, проходя по мосту через железную доро-

гу. Она остановилась и внимательно его рассмотрела, будто изучая. Точнее, это был даже и не один, а два состыкованных между собой здания, в одном, на первом этаже которого находился магазин одежды, было девять этажей, а во втором, имеющем форму буквы «Г», – восемь. Дом показался ей очень даже знакомым, и всю дальнейшую дорогу она вспоминала, откуда она может его знать.

Они добрались до квартиры, не проронив больше ни слова, и только оказавшись внутри и усевшись напротив друг друга в креслах, Летягин повторил вопрос:

– А теперь объясни, с какого такого перепуга ты решила, что мы брат и сестра?

Эфель опасно посмотрела на Григория.

– А у тебя точно не случится повторная истерика?

– Не случится. Можешь несколько не волноваться, – успокоил Летягин, но как-то не очень уверенно.

Девушка взяла лежащий на журнальном столике карандаш и, нервно крутя его в пальцах, начала говорить.

– Помнишь, я рассказывала, что был случай перехода по сиреневому мостику человека из вашего мира в наш?

– Помню, и что дальше? – напрягся Григорий.

– А дальше то, что этим человеком был никто иной, как твой отец.

Напрасно Летягин думал, что он окончательно успокоился и может хладнокровно воспринять любую информацию.

– Что?! – вскочив, машинально прокричал он. – Нет, нет

и нет! – замахал он руками и, обессилив, рухнул в кресло.

6. Новые открытия

То, что сказала Эфель, настолько меня ошеломило, что я потерял дар речи. Эту расхожую фразу я и сам неоднократно использовал в досужих разговорах, особо не задумываясь о её реальном значении. Но теперь я точно знаю, что дара речи можно лишиться не фигурально, а очень даже буквально.

После слов человека совсем из другого мира, что у нас с нею якобы общий отец, у меня в прямом смысле подкосились ноги, и, если бы рядом не оказалось кресла, в которое я и плюхнулся, я бы точно навзничь упал на пол.

Я пытался что-то сказать, открывал рот, но в итоге только шевелил губами, не в состоянии выдать из себя ни звука. Мало того, мне показалось, что я даже не могу полноценно вдохнуть, и в испуге втягивал воздух широко открытым ртом. Что творилось в голове, описать не берусь – нет таких слов ни в одном языке. Хаос, шок, протрация – не отражают полноту той растерянности и ужаса, который я испытал.

После окончательного осознания сказанного последовал «большой взрыв». Если бы эмоции были материальны и обладали энергией, то мой мозг от её избытка взорвался, и его маленькие кусочки разлетелись бы по вселенной со сверхсветовой скоростью, наперекор утверждению Альберта Эйнштейна. Я сжал голову руками и с закрытыми глазами так и сидел, покачиваясь, секунд, наверное, тридцать, а может,

больше, не знаю точно сколько. Понятие времени в тот момент для меня перестало существовать.

Но время могущественней любой силы и способно подмять под себя что и кого угодно, не то что эмоции. Где-то через минуту я уже мог мычать. А через две получилось произнести целое слово.

Как вы думаете, какое слово мне удалось произнести первым? Мне стыдно в этом признаться, но это было слово «дура».

Нет, я никакой не невежда и не женоненавистник, и обычно разговариваю с особами противоположного пола достаточно учтиво. Во всяком случае, ни от одной из них я никогда не слышал упрёков по поводу моего недостойного по отношению к ним поведения. Даже моя бывшая жена обвиняла меня в чём угодно, но только не в этом. Но тут это слово вырвалось как-то само собой.

Моя новая знакомая, а теперь уже вроде как даже родственница, перестала улыбаться и, насупившись, сдвинула свои разлётистые бровки, осуждающе смотря в мою сторону.

Всё дело в том, что я совсем не помню своего отца. Он пропал, когда мне едва исполнилось два года.

Как мне потом рассказали, в тот день мама была со мной и бабушкой на даче, куда мы переехали в самом начале весны. А так как отец работал, то приезжал к нам только на выходные. И вот в один из майских пятничных вечеров он не появился. Телефон, установленный в квартире, где я сей-

час живу, не отвечал. Мама почувствовала неладное и, оставив меня с бабушкой, ранним утром поспешила в Москву. Сотовые телефоны тогда только появлялись у простых обывателей, и у моего отца, в отличие от мамы, его не было.

Открыть входную дверь ключом не удалось, так как она оказалась закрытой на внутренний засов. Благо, что это всего второй этаж, да и балконная дверь была на удивление открыта. Мама упросила соседского пацана, и он с козырька подъезда по газовой трубе перебрался на балкон и проник в квартиру, в которой никого не оказалось. Все вещи аккуратно лежали на своих местах, и ничего не пропало.

Отца искали два года, но ни одной мало-мальски правдоподобной зацепки милиции найти так и не удалось. Уголовное дело было закрыто, и отца признали умершим.

Обо всём этом, оберегая мою детскую психику, мама рассказала, когда мне уже исполнилось одиннадцать лет. Я не особо грустил. Так как считал отцом дядю Юру, за которого мама вышла замуж через три года после пропажи мужа.

– Никакая я не дура, – обиженно произнесла девушка, демонстративно отвернувшись от меня.

– Это у меня нечаянно вырвалось, – попытался я оправдаться. Но не тут-то было.

– Нет, значит, ты так и считаешь меня такой, – не унималась Эфель.

– Ничего я не считаю.

– Нет, считаешь.

Тут я понял, что, видимо, все женщины, независимо от мира, в котором они живут, одинаковые, и если что-то вбили себе в голову, то их не переубедишь.

Но, значит, и есть один для всех проверенный способ, почти стопроцентно помогающий выйти из щекотливого положения с дамами.

– Прости меня, пожалуйста, – опустив глаза и как можно смиреннее произнёс я, применив давно известный всем мужчинам приём, который в очередной раз сработал.

Как она себя ни сдерживала, пытаясь не показать эмоции на моё извинение, но её лицо просияло, а губы расплылись в улыбке.

– Ну, хорошо, – соизволила она меня простить.

Отлично – это, вроде как, проехали. Но после такого откровения количество вопросов, которые я жаждал задать госте, многократно увеличилось. Но мне уже было как-то боязно их задавать. Но все-таки я продолжил.

– А почему ты так уверена, что это именно мой отец? Может, это какая-то ошибка.

– Никакая не ошибка, у вас почти одно и тоже лицо. Только он, естественно, постарше выглядит. Именно поэтому я тебя на той лавочке сразу узнала. Так что ошибиться здесь было невозможно.

Железобетонный аргумент, против которого и возразить нечего.

– Допустим. А он рассказывал, как очутился в вашем ми-

ре?

– Конечно. Всё произошло в точности, как и с тобой. Он уснул в своём доме и оказался на лавочке этого же бульвара, что и ты. Вот только рядом не было никого, кто бы вовремя дёрнул его за руку, чтобы он проснулся и тем самым вернулся к себе в постель. Так он и остался навсегда в нашем мире. По всей видимости, переход по сиреневому мостику возможен только ранним утром, а потом мостик под воздействием солнца разрушается, и обратной дороги уже нет.

– Представляю, что он чувствовал, когда осознал, где находится.

– Мама рассказывала, что он долго не верил в реальность произошедшего с ним. Всё куда-то рвался и просил всех помочь ему вернуться. Но потом смирился и воспринял-таки всё как данность. А вскоре они стали с мамой жить вместе. Но он всё время, хотя маме это не нравилось, рассказывал о своей жене, о тебе и о мире, в котором ему так нравилось жить. Он до сих пор всё подробно помнит, и теперь уже мне постоянно рассказывает обо всём этом.

– Получается, что ты стремилась попасть в наш мир, чтобы познакомиться со мной?

– Конечно, я этого очень хотела... Но это не главное.

Я даже как-то обиделся.

– Вот как! А что же тогда главное?

Девушка задумалась и снова внимательно посмотрела мне в глаза. Я почувствовал недоброе.

– Главное – это страдания и беды. Вот за ними я и пришла в ваш мир! – торжественно, словно чеканя лозунг, произнесла Эфель.

Я поймал себя на том, что вновь машинально провёл ладонью по волосам. В этот раз они тоже не стояли дыбом, но всё же чуточку приподнялись.

Видя, что я хочу, но вновь не могу задать вопрос, девушка продолжила.

– Папа постоянно бурчит, ругая наш мир. Говорит, что мы живём в тухлом болоте, в котором, кроме гниения, ничего не происходит. У нас никто не работает, не учится, а лишь празднично проводят время. Наш с тобой отец говорит, что так не должно быть, ведь жизнь – это череда страданий и бед, проходя через которые и преодолевая их, человек очищается, развивается, совершенствуется, приобретая новые качества и умения, которые затем передаёт своим детям и ученикам.

– Интересная мысль, никогда об этом не задумывался. А у вас что, действительно никто не работает?

– Никто.

Я замер в недоумении.

– А кто же тогда производит продукт, лечит, учит, охраняет?

– Это всё делают кичелы.

– Тогда понятно, почему твой отец так возмущается. – А что же тогда делаете вы?.. Хотя постой, я попробую сам

ответить на этот вопрос... Наверное, занимаетесь творчеством – пишете книги, сочиняете музыку, рисуете картины, играете в теннис, поёте в хоре и всё тому подобное, – решил предугадать я, перечислив всё, что делал бы сам, если не работал и имел при этом достаточно средств.

Услышав это, девушка искренне засмеялась.

– А вот и нет, не угадал! Ничего мы не пишем и не сочиняем и в теннис не играем. Это тоже делают кичелы-поэты, кичелы-писатели и кичелы-музыканты, кичелы-теннисисты. У них это получается неизмеримо лучше, чем у любого, даже самого гениального человека.

– Вот это да! Вы не работаете, не учитесь, спортом и творчеством не занимаетесь, – пожал я плечами. – И давно это у вас так?

– Давно. Во всяком случае, я не помню, чтобы было по-другому.

– Но раз ты знаешь слова «работа», «учёба», «сочинять», значит, всем этим вы когда-то занимались?

– Конечно, из рассказов кичелов, много-много лет назад, когда они ещё не были созданы людьми, всё это, изнемогая от мучений, приходилось делать им самим.

– Кстати, у нас сейчас две тысячи двадцать пятый год. У вас тоже? – решил прервать я девушку неожиданно всплывшим в моём мозгу вопросом.

– Нет. Две тысячи сто тридцать второй.

Я напрягся.

– От Рождества Христова? – с надеждой спросил я.

– Да. От Рождества Христова.

– Хоть это хорошо! – выдохнул я.

– Миры различаются временем, в котором там проходит жизнь, и скоростью его течения. Чем выше уровень, тем быстрее в нём идёт время, – пояснила Эфель. – Так нас учит великий Танзепар, – пафосно добавила девушка.

Боясь прослыть в её глазах невеждой, я зачем-то стал перебирать в памяти имена известных мне знаменитых людей, но ничего даже созвучного на ум не приходило.

– Танзепар, а кто это? – осторожно спросил я в итоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.